

СЛУЖБА ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В МАССОВОЙ ШКОЛЕ

Говорят, у Фрейда за всю его многолетнюю практику было около двух десятков клиентов (и то ни одного не вылечил). В массовой общеобразовательной школе под полторы тысячи ребятишек. Роль психолога порой бывает достаточно драматичной. И в нашем коллективе на первых порах возникало по отношению к деятельности психологов недоумение. Разбил двоечник и хулиган Вася Пиликин на перемене стекло – хватай его и веди на беседу к психологу. А после этого снова стекло бьется – значит, в этой психологической службе одни бездельники.

Потребовалось долгое время – в том числе и самим психологам – для осознания того, чем они должны в школе заниматься. Напомним, что сама по себе эта профессия – школьный психолог – появилась относительно недавно. Раньше таких сотрудников можно было встретить лишь в особых детских учреждениях – интернатах для детей-сирот, колониях для малолетних преступников, в специализированных школах для детей с умственной отсталостью... Соответственно, неоткуда было почерпнуть и опыт работы с нормальными, «обычными» детьми. Составленный Министерством образования функционал школьного психолога весьма приблизителен. Даже рабочее время с посещением библиотек и участием в научно-практических конференциях никак не укладывается в реальный график жизни школы с наполняемостью в полторы тысячи ребятишек.

Роль психолога чем-то схожа с ролью школьного доктора. У того четыре основных вида деятельности: диагностика, профилактика, помощь и организационная работа. С помощью более или менее понятно: в экстренных случаях продержаться до приезда «скорой», в остальных – дать аспирин или уголь, выписать освобождение от физкультуры. При таких нормах количества детей, обслуживаемых школьным терапевтом, ожидать от него чего-либо другого было бы удивительно. То же и у психолога. Пришли на прием по поводу склонности к суициду – выслушал, запомнил и направил в центр к специалисту.

Сложнее с диагностикой. Здесь кто во что горазд. Многие пошли по пути наименьшего сопротивления: бросились диагностировать все и вся – кто что умеет. Как же, раньше тесты были под запретом, существовала лишь великая советская психологическая теория. А теперь – можно, даешь психологию практическую! И IQ померяем, и дерево нарисуем. В общем, кипучая и загадочная деятельность. А если еще прибавить пару фраз типа: «У Вашего ребенка шизоидная акцентуация» или «У него низкий статус в социометрической группе», - то и коллеги, и родители будут считать Вас ну прямо авгуром.

Остается выяснить только, что делать с добытой Вами в таких трудах горой информации – знаменитое нашенское «на кой?» А ни на кой. Чаще всего она лежит себе в листочках и карточках. И слава Богу, что лежит. Потому что и сама она еще вопрос, насколько достоверная, и уж тем более вопрос, как проводится ее предъявление так сказать «пользователю» – родителю или ребенку.

Про тесты вообще разговор особый. Надо полностью осознать три их свойства. Первое – мы пользуемся сейчас в основном зарубежными, слабо адаптированными во времени и в пространстве образцами. Так дешевле. Второе – любые тесты сами по себе – вещь вероятностная, и в хороших образцах

степень вероятности указывается. Если тест диагностирует у испытуемого какое-либо качество и вероятность его наличия – 52%, то мы должны понимать, что остальные 48 говорят о том, что этого качества может и не быть. Для подтверждения или опровержения этих наших догадок нужно использовать второй, третий, десятый тест. Мало кто реально этим занимается. Получается, что вероятностная особенность, накладываясь на особенность неадаптированности, приводит нас к результату «пальцем в небо». Но это еще полбеды. Третье свойство опасное. Любой тест несет в себе и силу психологического воздействия. Термометр, измеряя температуру холодной воды в пробирке, сам немного нагревает эту воду. А если воды в пробирке мало, а градусник здоровенный, то полученный результат измерения весьма далек от истины. Так и тест действует на тестируемого. Измерив низкий статус ребенка социометрией, мы рискуем усугубить его и без того трудное положение, так как одноклассники в ответ на вопрос о том, с кем ты пойдешь в кино, найдут подтверждение своим ощущениям, что только не с Сидоровым.

Мы совсем не призываем к новым запретам на тестирование (хотя до сих пор мало где в школах соблюдается принцип добровольности, и уж точно нигде не получают положенные письменные разрешения родителей). Просто хочется напомнить о существовании такого старого доброго метода, как наблюдение, по крайней мере, гораздо менее травматичного. Ведь в принципе тестом может служить любая особенность поведения – надо только уметь видеть эту особенность.

С незапамятных времен один человек пытался познать другого. Иногда другой помогал этому, а чаще всеми силами препятствовал. Все подлинное искусство строится на умении преодолеть эти препятствия и добраться до истинной человеческой сущности. Интерес чистого знания в искусства, попадая на почву быта, обычно трансформировалась в утилитарную потребность предсказать поведение человека на почве знаний об этом человеке. Дерево нарождается одним стволиком, а через несколько лет на множестве веток зеленеет бесчисленная листва. В интересе человека к человеку тоже произошла дифференциация. Чем глубже мы пытаемся заглянуть, тем многообразнее становится наш интерес. Как в микроскопе: чем сильнее увеличение, тем подробней картинка, в которой различимо больше деталей. До какого атома души мы способны добраться, предугадать невозможно. И есть ли этот психический электрон, и если есть, то что дальше? Хочется верить, что эти вопросы останутся вечными, а значит, вечной и непознаваемой останется человеческая душа. Но психология – наука вероятностная. Пусть мы никогда не сможем достичь стопроцентной степени вероятности прогноза, как недостижима скорость света. Но ведь в природе и не бывает стопроцентно вероятных вещей. Всегда остается какой-то 0,000...1, который может все перевернуть вверх тормашками.

Поразившая в конце девятнадцатого века человечество вспышка прогресса вызвала непредсказуемые последствия - от атомной бомбы и методов ведения тотальной войны до полетов в космос и телекоммуникаций. Существовавшая до этого времени в некоем полускрытом состоянии в виде шедевров искусства или просто житейской мудрости, психология заявила о себе попытками «вычислить» ту или иную человеческую особенность, а затем воздействовать на нее. В начале двадцатого века эта наука стала просто модной, и эта мода не проходит по сей день. О ней спорят, ее ругают и восхваляют, помогают и порочат, как яркую, нестареющую женщину. Но попробуем

отвлечься от моды и взглянуть непредвзято на то, что может и чего не может эта наука.

Сосредоточим свое внимание на диагностике. Есть два главных способа – наблюдение и тестирование. Все остальные – это только модификации главных. И первый, и второй объединены общей методологией. Подбирается какая-либо группа людей с заранее известным одинаковым свойством. Далее делается предположение, что если мы выявили эти черты у другой группы людей, то есть определенная вероятность, что они будут обладать таким же свойством.

Слабые места в этой логической цепочке следующие. Первое: если «А» вызывает «В», то это не значит, что «В» может быть вызвано только «А». Например, что если человек кинул камень, то это не значит, что каждый летящий камень кинут человеком. Второе: общие черты – понятия неоднозначные. Любую совокупность чего-либо можно классифицировать по какому-то признаку. Например, людскую компанию можно сгруппировать по профессиям, можно по именам, а можно и по цвету волос, но это не значит, что все блондины имеют совершенно одинаковый оттенок. Найти меру «одинаковости» в понятии общей черты не всегда просто. И третье: «подобранные люди с заранее известным одинаковым свойством». Но как были выявлены эти свойства? Видимо, с помощью других тестов, которые сами обладают слабыми местами «один», «два», «три».

Психологи довольно быстро осознали эти особенности и попытались их как-то «подправить». Основной путь при этом был выбран количественный. Чем больше людей выбрано для эксперимента, тем вероятнее степень проявления искомого качества. Чем большими способами мы доказывали взаимосвязь «А» и «В», тем достовернее данные.

Однако стал давать о себе знать еще один фактор. Чем шире стали проводиться психологические исследования, тем больше при этих исследованиях стали понимать, чего от них хотят, и подстраивать свои реакции под ожидания исследователей. Психологи придумывают все более изощренные тесты, ищут все более скрытые зависимости между психическими качествами и их проявлениями, а испытуемые подбирают все более искусные противоядия – как в спорте с допингом: постоянное соревнование химиков по поводу новых форм допинга и допинг-контроля.

В принципе, диагностичным может быть абсолютно все: почерк, походка, движения рук, поза во сне, разглядывание пятен Роршаха, рождение под какой-то звездой, способ сидения на стуле... все, с чем связан человек. Но требуется кропотливая, занудливая черновая работа. Мы собрали вместе учителей и проследили за их походкой. Выявили что-то общее. Встречая это общее в неизвестном человеке, с определенной долей достоверности утверждаем, что он тоже учитель. Но это общее у московских учителей может «не работать» на рязанских. Там надо делать свои замеры. Общее сегодня может стать уже другим через год – и опять свои замеры. И так до бесконечности.

Однако по этому поводу совершенно не надо печалиться, потому что в человеческой практике вероятность 99,99...9% равнозначна тому, что это обязательно произойдет. И наоборот, 0,000...1% - тому, что его точно не будет, так как мы за свою короткую жизнь просто не успеваем за столь подробными вероятностными расшифровками. Нам достаточно гораздо более грубых измерений.

Поэтому если мы хотим заниматься психологией, исследовать человеческую душу, нам придется заниматься скучной арифметической работой.

А дальше нам видится необходимость в упорядочении получаемой информации. После компьютерной обработки данных в психологической службе нашей школы информация заносится в диагностические карты трех видов: психологическая карта личности, психологическая карта класса и психологическая карта школы.

Определена четкая периодичность работы психолога с этой информацией. В строго дозированном виде и в должной интерпретации она доводится специалистом до самого ребенка, его родителей, классного руководителя, по необходимости – до учителей. С психологической картой класса прежде всего работает классный руководитель и педагоги этого класса, иногда – родительский актив. В отдельных случаях собирается психолого-педагогический консилиум с привлечением уже и ребят. Это особо сложное действие – нечто вроде творческого развивающего семинара. Он совершенно отличается от практикуемого малого педсовета тем, что в заранее проработанном сценарии не прописывается заранее однозначный результат. К нему идут участники сообща прямо в ходе консилиума. С психологической картой школы работает преимущественно администрация, профсоюзный комитет.

Если первые две функции – диагностика и помощь – хоть как-то осуществляются школьным психологом, то гораздо сложнее обстоит дело с профилактикой и оргдеятельностью. У школьного доктора профилактические мероприятия заключаются в выпуске санитарно-гигиенических листовок и прививках, организационная деятельность – это медосмотры и обходы школы. А что у психолога? А у психолога в наших условиях – надо это осознать – основная психологическая единица, с которой он работает, – это класс. Поэтому он должен оказаться и на уроке, и спуститься с классом на перемене в столовую (вот уж где поле для наблюдений!). И самое главное – мы нашли приемлемую форму работы – уроки психического развития, который проводит сам психолог по расписанию, но они ставятся в конце учебного дня, и их посещают желающие. На этих-то уроках и происходит основная профилактическая и коррекционная работа с детьми. Именно тут могут создаваться тренинговые группы по проблемам. Эти уроки являются для ребят настоящей школой общения.

Многие проблемы порождают необходимость проведения каких-то организационных действий. Есть потребность в школе делегировать психологу ряд полномочий административного характера. И таким образом определить еще одну линию его работы – акмеологическую, работы со взрослыми. Осуществлять такое психологическое сопровождение взрослых отнюдь не просто. Нужна специальная акмеологическая подготовка. У психолога-акмеолога в арсенале в первую очередь не администраторские, а психологические приемы. Это и создание педклуба – творческой организации учителей, где можно спорить, обсуждать важные общечеловеческие и профессиональные проблемы, а также просто проводить свободное время (можно и вместе с семьей) в замечательных «вылазках» на выставки, в театры, на экскурсии и просто на природу. Это и помощь в преодолении распространенных в нашей учительской среде профессиональных психологических деформаций (часто встречающаяся безапелляционность

суждений, желание поучать и командовать с одновременной гиперответственностью и «переживательностью»).

На психолога в школе замыкается и работа по профориентации учащихся. Мы имеем в виду не столько организационные шаги по заключению договоров с вузами и колледжами, проведение бесед о профессиях и посещение заводов и ПТУ, а в первую очередь помощь ребенку в определении собственных склонностей. Здесь и пригодится собранная за несколько лет информация.

При таких подходах психолог становится в школе главным координатором человеческих взаимоотношений между всеми участниками образовательного процесса – детьми, педагогами, администрацией, родителями, внешним окружением.

Думается, что введенная в штат эта должность полезна и даже необходима. Но пока не везде отработан механизм использования такого специалиста, а соответственно и КПД его деятельности, как у паровоза, получается низковат. Предлагаю другим директорам школы включиться в дискуссию и поделиться своим видением этой проблемы: какое место психолог должен занимать в школе, чтобы от него была занимательная отдача.

А.М. Каменский, директор школы №590, Санкт-Петербург.